

Жарова Ирина Юрьевна

ИДЕЙНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАННИХ ПОВЕСТЕЙ С. Т. СЛАВУТИНСКОГО

Статья содержит анализ идейного содержания ряда ранних повестей С. Т. Славутинского, рязанского писателя-беллетриста XIX в. Изучено влияние на тексты характерных тенденций литературного процесса данного периода и охарактеризованы особенности выражения авторской позиции. Сделан вывод, что писатель видел решение социально-экономических проблем российского общества не в изменении бытовых условий и формировании новой психологии личности, а в обращении к традиционным духовно-нравственным ценностям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

* Наименование-оценочная характеристика. Например, о купце Стахееве: «ласково улыбается», «руку подает для пожатия, чтобы закрепить деловое предложение», «крепкая ладонь купца»...

В устных народных рассказах именованию купцов осуществляется в сказовом повествовании, то есть в условиях оценочного высказывания. Рассказчик выступает выразителем оценочных значений, исходящих как из его личного отношения к купцам, так и из народных представлений о поведении человека в тех или иных обстоятельствах: «*О купцах я могу сказать только хорошее, потому что они, как правило, меценаты, добродетели. На их счету множество заслуг. Моя мама была знакома с людьми, которые находились на службе у елабужских купцов. А прадед работал на пристани у Стахеева. Стахеевы много сделали для нашего города. Так что это очень хорошие люди, что в настоящее время не скажешь о нынешних "купцах"*» (В. Г. Лакушева, 1952 г.р. Запись: г. Елабуга, 2011) [3].

Итак, в устных повествованиях о купцах не последнюю роль в представлении персонажей играет именование. Именования героев указывают, прежде всего, на видение их рассказчиком. Процесс именования зависит от жанровой разновидности устных повествований, стремления сказителя через имя героя указать на его социальное положение, тип сознания, мировосприятие. Кроме того, именование в народных сказаниях – это способ донести до слушателей позиции рассказчика по отношению к персонажу, ситуации, описываемой в произведении.

Наименование персонажа как указание на личное имя, социальное положение, род деятельности, характер наполняется оценочными смыслами и отражает эмоциональное единство рассказчика и народа.

Список литературы

1. **Азбелев А. Н.** Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. М. – Л., 1966. Вып. 10. С. 176-195.
2. **Грахова С. И.** Жанровые особенности устных рассказов о купцах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 56-59.
3. **Грахова С. И.** Личный архив собирателя. 1995-2013.
4. **Карпов И. П.** Авторологические парадигмы русской литературы (аспекты, парадигмы): монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. 384 с.
5. **Grakhova S. I., Gapsalov A. R.** The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). P. 410-416.

PERSONAGE NAMING IN THE FOLK NARRATIONS ON MERCHANTS

Grakhova Svetlana Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Pedagogical Technologies and Resources
SG2223@yandex.ru

The article focuses on the problem of personage naming in the oral folk narrations on merchants. The author identifies the originality of a story-teller (narrator) as a subject of naming activity, distinguishes the general principles of personage naming. Personage naming is presented as a process conditioned by genre peculiarities of the folk works under study, appropriate methods and techniques to depict reality.

Key words and phrases: folklore; oral folk stories; name studies; personage naming; naming; subject of naming activity; object personages.

УДК 821.161.1

Статья содержит анализ идейного содержания ряда ранних повестей С. Т. Славутинского, рязанского писателя-беллетриста XIX в. Изучено влияние на тексты характерных тенденций литературного процесса данного периода и охарактеризованы особенности выражения авторской позиции. Сделан вывод, что писатель видел решение социально-экономических проблем российского общества не в изменении бытовых условий и формировании новой психологии личности, а в обращении к традиционным духовно-нравственным ценностям.

Ключевые слова и фразы: герой нового типа; идейное своеобразие; персонаж; повесть конца XIX в.; духовные ценности.

Жарова Ирина Юрьевна, к. филол. н.
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
i-u-zharova@rambler.ru

ИДЕЙНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАНИХ ПОВЕСТЕЙ С. Т. СЛАВУТИНСКОГО

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ № 15-14-62001 а(р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

Жанр повести 60-70-х годов XIX в. объединяет тематическая направленность, проблематика тесно связана с художественным анализом нравственных аспектов тех или иных явлений общественной жизни [1, с. 171-172]. Авторы стремились объяснить происходившие события, найти причины, которые повлекли столь значимые

изменения. В этот период писатели искали пути активизации социальной жизни, однако их поиски обычно ограничивались попыткой создания героя нового типа, обладающего необходимыми чертами: высоким уровнем интеллектуального развития, образованием, иной картиной мира, готовностью к действиям и преобразованиям. Своеобразие литературного процесса данного периода наиболее тенденциозно и прямолинейно проявляется у писателей «второго ряда», к которым относят Степана Тимофеевича Славутинского (1821-1884) – писателя-беллетриста середины XIX в.

Проза С. Т. Славутинского, в основном, посвящена изображению быта Рязанской губернии. Писатель учился в местной гимназии и длительное время служил чиновником особых поручений при рязанском губернаторе. Несмотря на то, что профессионально литературной деятельностью он занялся в г. Москве в 1859 г., выйдя в отставку, фактической основой его произведений оставались события Рязанской губернии, что отмечалось и современниками писателя, видевшими в этом характерный колорит: «по происхождению рязанец, он в своих сочинениях с особенной любовью и правдой рисовал картины из жизни родного, широкого приволья Оки и ея окрестностей» [5, с. 206]. В статье рассматриваются повести: «Читальщица» (1858), «История моего деда» (1858), «Своя рубашка» («Мирская беда») (1859), «Жизнь и похождения Трифона Афанасьева» (1859).

Семья находится в центре художественного мира автора. При этом понятие семьи включает принадлежность к определенному роду, историческим корням, связывающим поколения, владение старинным ремеслом, причастность к великим событиям прошлого: «в этих местах... повелась давным-давно русская жизнь... много событий, имевших великое значение для земли русской, пронеслось над ним... люди... то были богатыри» [8].

Семейные отношения представляются внешне деспотичные: «дед... да как теперича обходится с нею: бьет ее, тиранит, все попрекает» [9], «Анфимья... повела с сыном уже постоянную войну» [6], «с сыном Иваном он обращался строго» [8]. Однако такой тип взаимодействия оказывается необходим, чтобы раскрыть в герое его лучшие качества. Положительные персонажи понимают причины сурового обращения родных: опыт, стремление уберечь от ошибок. Следование патриархальным нормам, беспрекословное подчинение старшим – важнейшие характеристики молодых положительных персонажей: Ивана Терехина и Татьяны Савиновой. Именно их жизненные установки: уважение к природе, своей родине, роду, памяти поколений, базирующиеся на глубокой религиозности, – представлены автором как спасительные для общества. Утверждение Е. В. Миронова, что разрыв отношений с семьей воспринимался персонажем как «освобождение» [3, с. 21] (в качестве примера в диссертационном исследовании рассмотрена повесть «Жизнь и похождение Трифона Афанасьева») не вполне корректно. С. Т. Славутинский подчеркивал, что расставание с близкими родственниками, отрыв от своих корней лежит в основе нравственного падения человека, ведет его как к внешней деградации (преступлениям), так и внутренней (моральная опустошенность, потеря смысла жизни). Так Андрей Нестерович Нахрапов «научился дурным делам» именно потому, что родители его не воспитывали, отец отдал его на «чужую» сторону [9], Трифона Афанасьева отправили в Петербург, к дяде, далеко от родных мест [6]. Именно эти герои в художественном пространстве ранних повестей С. Т. Славутинского оказываются способными на преступления.

Персонажи четко могут быть классифицированы на положительных и отрицательных. Они статичны, что обусловлено художественной задачей сконцентрировать внимание читателя на главных героях, носителях авторской идеи. Действующие лица лишены внутренней динамики, переход от одного психологического состояния к другому внезапен, отсутствует процесс переосмысления жизненных установок: «окружной... со всего размаха ударил по лицу Терехина... Как ни был он [окружной] опытен насчет расправок... однако в настоящем случае совесть громко заговорила в нем» [8]. Развитие можно наблюдать только у главных героев, в ряде сцен писателю удается передать психологическое состояние через внешние признаки: «брови его были напряженно приподняты и сдвинуты, а губы несколько раскрыты... жиденькая бородка его заметно тряслась» [6]. Однако чаще всего внутренний мир или тип личности определен прямолинейно: «главные черты его были: совершенная чистота понятий и мыслей, постоянная кротость, любовь к труду, полное бескорыстие» [9].

Важной характеристикой положительного персонажа становится умение прощать: пасечник Михей Севастьянович, которого чуть не разорил Трифон Афанасьев, после смерти семьи своего конкурента, приезжает с предложением помощи и поддержки в деле: «ты вот пчелкой не хочешь ли опять позаняться?» [6]. Другим ключевым качеством становится любовь к ремеслу, к деятельности (при описании этого личностного качества преимущественно используется лексема «чрезвычайно»): Трифон Афанасьев не стал пьяницей, как многие его односельчане, так как его спасла любовь к труду, которая была «чрезвычайно сильна и живуща», Прокофий Терехин «чрезвычайно трудолюбив», Сенка желал, чтобы труд Татьяны был «особенно плодотворен». В этой черте для писателя сконцентрировано понимание духовной силы личности, ее умения преодолевать сложные жизненные обстоятельства и социальную несправедливость. Абрам Сулов, «бездельничавший» – при конфликте с головой «окончательно струсил... встал на колени и взмолился самым жалобным голосом» [8], в то время как его трудолюбивые отец и дядя «не покорились, не пришли просить милости и прощения» [Там же]. Прокофий Григорьевич Терехин в чтении Псалтыря, который был его любимой книгой, ищет способ, которым сможет помочь своим близким: «за правду хочу я стоять... все его мысли направились на молитву <...> “И изведет, яко свет, правду”» [Там же]. В «Читальщице» высокая духовность Татьяны проявляется не в только в ее искренней вере, а в помощи, которую она оказывает своим односельчанам: обучение детей грамоте, пошив одежды, работа в огородах и на сенокосе, лечение больных и, главное, чтение Псалтыря над всеми, кто умирал в селе.

Герои С. Т. Славутинского – одиночки. Их стремления не находят поддержки окружающих: «Туренин... был опальный человек, который смело, но безуспешно, боролся с гигантом» [7], «я ж умру, кто за мир-то постоит... помощи от миру нечего ждать» [8]. Преодолевшие свой эгоизм, равнодушие к окружающему миру, герои обретают внутреннюю силу, превышающую физические возможности их противников: «окружной...

начал уставать, охрипший голос его стал обрываться, он перестал уже ногами топтать» – «с напряженным вниманием следили все за движениями старика, в которых было столько грозного и величественного» [Там же]. Отсутствие деятельности, привязанности к роду определяет обязательную духовную деградацию героев: именно «душевная гибель» приводит Трифона Афанасьева к пьянству и преступлениям, лишает его любимых людей, приводит к материнскому проклятию. Автор выводит бытовую ситуацию на мировоззренческий уровень: отказ от истоков – отказ от Бога, – и в своих повестях пытается создать образ реальных «святых» людей, которые должны быть в обществе, служить духовной опорой и ориентиром.

Духовная эволюция отсутствует: персонажи резко пересматривают свои жизненные убеждения после конкретного морально тяжелого испытания (убийство, воровство, должностное преступление). Произведения писателей этого периода объединяет ситуация смерти героини, последовательницы главного героя [3]. Ее гибель или социальная изоляция является основой для окончательной характеристики героя или ложного героя – реформатора. С. Т. Славутинский активно использовал данный прием, однако более прямолинейно: интеллектуальной или физической гибелью главного героя разрешается конфликт в рассматриваемых повестях. Писатель предлагает единственный выход из мировоззренческого кризиса: перед смертью герои осознают свои ошибки и вымаливают прощение у близких, обретая в этом путь к Богу. Перемена психологических характеристик персонажей не приводит к плавным изменениям в их образе жизни и не влияет на дальнейшее развитие ситуации: кардинально меняются и поведение героев, и их привычки: «старик Терехин... никогда при нем [сыне] не плакавший, утирает слезы» [8]. Духовное возрождение возможно только для тех героев, которые не порвали окончательно связь с родом: Терехин не желает «переходить в купцы», Афанасий Трифонов возвращается из Петербурга в село, Андрей Нестерович Нахрапов пытается восстановить отношения с дочерью Татьяной. Фактически смерть героя символизирует лишь освобождение от ложных жизненных установок.

Действия остальных действующих лиц лишь создают условия, преодоление которых позволяет герою обрести душевный покой, понять истинные жизненные ценности. Их поступки не достаточно мотивированы: отказ Анфимьи Афанасьевой благословить сына перед собственной смертью не имеет веских оснований: описываются бытовые ссоры («вот однажды не вытерпел Трифон... и, грешник великий, сам обругал ее и даже замахнулся на старуху мать» [6]), даже преступления, совершенные Трифоном («положил он труп ногами к реке и потихоньку стал подвигать его в воду» [Там же]), однако ни один из эпизодов не обозначен как основа принципиального противостояния близких людей.

Личность героев определяется их стремлением к конкретному действию, это универсальная схема, которую писатель реализует в описании персонажей вне зависимости от их социального статуса. Черты характера, которые не находят реализации в конкретной духовной работе, не рассматриваются автором как положительные: помещик Иван Данилыч Одоньев добр, но «доброта его была как-то бесцельна, а главное, не имела в себе достаточно силы, чтобы стать твердым основанием всех его действий» [Там же]. Его лень, отсутствие желания направить свои возможности на помощь окружающим, представлены С. Т. Славутинским как основа всех проблем, неумения контролировать свои дела и свою жизнь: отсутствие порядка в его имениях, убыточные и длительные тяжбы, неисправное ведение хозяйства.

При обращении к творчеству писателя исследователи XIX–XX вв. характеризовали его как борца с крепостничеством [2; 4]. Однако в текстах не представлено открытых конфликтов между помещиками и крестьянами, напротив, их связывают отношения заботы и участия: «на оброк с крестьян нечего нам и рассчитывать, они еще не бедствуют, слава Богу, да все им, бедным, будет очень тяжело» [9], «село принадлежало прежде знаменитому богачу Н. Байдаровцы жили при нем зажиточно и спокойно» [8], «крестьяне сельца Пересветова <...> любили Ивана Данилыча [барина] за кроткое его обращение, за правдивость его» [6]. Случаи жестокого обращения помещиков с дворней описаны в «Истории моего деда»: «любимая собака князя, порученная особому присмотру старика, околела... князь не хотел ничего слушать. Плетей! кошек! – кричал он неистово: – я тебя проучу! в плети его!» [Там же], – однако данные фрагменты служат для характеристики конкретного персонажа и, скорее, представлены как исключение из правил.

В связи со спецификой своей деятельности, С. Т. Славутинский особое внимание уделяет описанию чиновничества, открывая их должностные преступления: «посоветоваться с приказными людьми ему очень не хотелось... Ворон ворону глаз не выклюет» [8], «в Байдарово <...> вдруг завелось, <...> три “въезжих дома”: один – для крупных, “набольших” чиновников, другой – для средних, третий – для разной мелкоты чиновничьей» [Там же].

В произведениях С. Т. Славутинский стремился на философском уровне осмыслить причины бедственного состояния людей, однако отсутствие развернутых психологических портретов и подробностей жизни героев не позволили автору создать объективную картину действительности. Проблемы крестьян села Байдарова («Своя рубашка») объясняются «долей бесталанной», решение их барина продать село – «судьбой» [Там же]. Причины поведения имеют внешний характер и не обоснованы действиями героев или обстоятельствами, в которых они живут.

Таким образом, в прозе С. Т. Славутинского очевиден типичный набор «параметров социального действия, репрезентованных литературным текстом, среди которых центральными является <...> заложенная в тексте модель процессуальности, предполагающая набор возможностей и ограничений для действия героя» [3, с. 14]. Автор обращался к широкому кругу общественных проблем: моральной деградации всех слоев общества, взяточничеству, лицемерию, эгоизму, собственничеству и пр. Создавая сходные сюжетные линии в изображении разных слоев общества, автор стремился продемонстрировать духовную общность всех людей. Писатель видел решение проблем не в изменении социально-экономических условий, а в обращении к духовно-нравственным ценностям, главной из которых в произведениях С. Т. Славутинского представлена связь с родом.

Список литературы

1. Головкин В. М. Поэтика русской повести. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 192 с.
2. Добролюбов Н. А. Первое полное собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Изд-во А. С. Панафиной, 1912. Т. 3. 1056 стб.
3. Миронов Е. В. Интерпретация социального реформаторства в русской беллетристике 50 – начале 60-х годов XIX века: автореф. дисс. ... к.и.н. М.: МПГУ, 2002. 26 с.
4. Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4-х т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. Т. 2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. 428 с.
5. Славутинский Степан Тимофеевич // Виленский календарь на 1885 (простой) год. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1884.
6. Славутинский С. Т. Жизнь и похождения Трифона Афанасьева [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/slawutinskij_s_t/text_0040.shtml (дата обращения: 19.11.2015).
7. Славутинский С. Т. История моего деда [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/slawutinskij_s_t/text_1858_istoria_moego_deda.shtml (дата обращения: 19.11.2015).
8. Славутинский С. Т. Своя рубашка (Мирская беда) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/slawutinskij_s_t/text_1859_mirskaya_beda.shtml (дата обращения: 19.11.2015).
9. Славутинский С. Т. Читальщица [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/slawutinskij_s_t/text_0030.shtml (дата обращения: 19.11.2015).

IDEOLOGICAL PECULIARITY OF THE EARLY STORIES BY S. T. SLAVUTINSKY

Zharova Irina Yur'evna, Ph. D. in Philology
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
i-u-zharova@rambler.ru

The article provides an analysis of the ideological content of the certain early stories by S. T. Slavutinsky, Ryazan novelist of the XIX century. The paper analyzes the influence of the typical tendencies of a literary process of this period on the texts and characterizes the peculiarities of expressing the author's view. The researcher concludes that, according to Slavutinsky, the socio-economic problems of the Russian society should be solved not by changing the life conditions and formation of a new personal psychology but by appealing for the traditional spiritual and moral values.

Key words and phrases: new type of a hero; ideological peculiarity; personage; story of the end of the XIX century; spiritual values.

УДК 821.161.1.09"1992/..."(045)

В статье предпринята попытка изучения воздействия «чужого» слова на различные стороны художественного повествования, прежде всего на его пространственно-временные координаты. Присутствие в произведении «образов» других текстов и «миров», в них созданных творческим воображением писателя, обуславливает возникновение параллельной представленной в нем реальности, в результате чего образуется «двоемирие» или «многомирие» как весьма характерное явление для современного романа, на материале которого и исследуется данный феномен.

Ключевые слова и фразы: хронотоп; категория художественного времени; категория художественного пространства; современный роман; постмодернизм; «свое» и «чужое» слово; контекст; заимствование.

Жиндеева Елена Александровна, д. филол. н., доцент
Максимова Людмила Викторовна
Мордовский государственный педагогический институт
jindeeva@mail.ru; golovina-ljudmila@rambler.ru

**АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОПОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» СЛОВА
В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ХОУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ**

Исследование осуществляется в рамках проекта «Авторские стратегии современной прозы Мордовии», поддержанного РГНФ (№ 15-14-13007 а(р)).

Интертекстуальные связи, присутствующие в художественном произведении и актуализирующиеся при знакомстве с ним, оказывают определенное влияние на структуру его поэтической системы, поскольку связаны с процессами восприятия и понимания прочитанного. В особенной степени данная закономерность свойственна романам современных авторов, созданных с учетом основных принципов постмодернизма, среди которых важное место принадлежит игре с литературными традициями. Поэтому, как правило, такое произведение обладает широкой интертекстуальной основой. В качестве примера можно привести романы А. Кима, В. Пелевина, Б. Акунина, послужившие материалом для наших наблюдений. «Чужое» слово в них здесь